У нас была единственная миссия.

Идти на север.

Идти на север и спасать Барбатос.

Наши солдаты получили полдня отдыха. Мы разграбили запасы, горой сложенные в Белой крепости, а поскольку забрать все было выше наших сил, остальное мы сожгли. Пока мы сжигали запасы, изначально предназначавшиеся для того, чтобы кормить и одевать заключенных, мы также решили сжечь и пленников.

Поскольку это было целесообразнее.

Я отдал приказ быть жестокими.

– Сжигайте каждую человеческую деревню, которую мы увидим на нашем пути.

Пламя и дым были везде, куда бы ни шла моя армия. Мои солдаты маршировали, поджигая все, что лежало на их пути, и маршировали, оставляя за собой дым. Чтобы предоставить помощь Барбатос, мы энергично продвигались вперед.

Человечество желало отбросить атаку обратно на территорию демонов. Поскольку война была явлением, которое вытаптывало землю, на которой они находились, люди желали, чтобы вместо их собственной вытаптывалась земля демонов.

Теперь в нынешней ситуации, когда вторая армия была полностью разбита, единственной, преграждал путь огромной человеческой армии, была Владыка Демонов Барбатос. Барбатос едва сдерживала продвижение человеческой армии в 40 000 своими 20 000 тысячами солдат. Предоставить помощь Барбатос было главной целью. Таким образом территория демонов могла избежать ужасной катастрофы войны. Мы с Барбатос не станем ренегатами, которые навлекли эту войну.

– Не зацикливайтесь на мародерстве! Убивайте их, если вам хочется лишить их жизни, но не растрачивайте свою энергию на резню. У нас нет времени на изнасилование, потому беспристрастно обращайтесь со своими нижними частями тела. Сжигайте все человеческие города и обращайте тех крестьян в бездомных.

У меня не было и тени сомнения. Палить все. Поджигать все, что видно. Деревни и запасы, которые мы не спалим, станут спасительной помощью, кормящей врагов. Я осуществлял тактику чонг-я наоборот.

Прим.пер.: Тактика чонг-я (□□ □□) – тактика, в которой обороняющаяся армия будет отступать, сжигая все припасы, которые могут быть использованы вражескими силами.

Иногда старейшины деревень сходили с ума от сдерживаемого отчаяния и умоляли нас. Старейшины молили, что им по крайней мере нужны семена, если они желают обрабатывать, землю в эту грядущую весну, потому они просили нас не вырывать у них надежды выжить благодаря кореньям. У меня не было времени объяснять старейшинам срочность ситуации. Их обстоятельства не должны были стать моими, а мои обстоятельства не должны были стать их, так что у меня не было времени синхронизировать наши разрозненные обстоятельства. Даже если бы у меня было достаточно времени, эту неувязку решить было сложно. На старых людей я нагонял страх.

– Тогда вы умрете? Вы бы лучше умерли вместо этого? Послушайте меня внимательно, люди. Пока зима не закончилась, бегите в горы и не спускайтесь оттуда. Земледелие в этом году закончилось, так что не берите с собой никакие инструменты, которые вас задержат. Не возвращайтесь из горных долин!

Со слезами на глазах старики и старухи уходили в поисках убежища.

Дым, поднимавшийся с Черных гор, двигался едва заметно, но определенно на север. С каждым прошедшим днем деревни, лежавшие на нашем пути на север, охватывались пламенем.

Люди текли рекой из городов туда, где остался только пепел. Те жители, которые потеряли свои дома, бежали на юг или прятались в горах. Со всех сторон был густой дым. В нем эхом разносились звуки всхлипываний и плача. Им стоило считать удачей то, что снег и дождь, шедшие во время нашего марша поджогов, были не сильными. Если бы из-за погоды поджигать стало трудно, я бы убил всех людей до единого.

Уходя, беженцы пели.

Если мы уйдем сейчас, когда же мы вернемся

Если мы уйдем сейчас, когда же мы вернемся

Наши деревни пылают, и наши сыны пылают

Эх, если мы уйдем сейчас, когда же мы вернемся…

Когда у них не было тропинки, по которой шагать, и конечного пункта, куда идти, казалось, люди полагались на песни на своем пути отхода. Хотя песня была горестная и глупая, я их не останавливал. Во всяком случае, я толкал людей в спины. Бегите, распространяйте ее, распространяйте песню везде, сообщайте людям этой песней, что мы пришли как ваша чума.

По пути нам преградила дорогу армия герцогов. Это были солдаты, сбежавшие из своих цитаделей, потому что они были не в состоянии выдержать горестную песню людей. Однако это случилось после того, как герцоги предложили большую часть своих солдат императорской семье с целью предоставить военную помощь. И хоть их настрой был достоин похвалы, только

их настрой и можно было похвалить.

Едва взглянув на вражеские силы, которые насилу достигали 50 солдат, Фарнезе спросила:

– Что нам делать, господин?

– Затопчите их.

– Поняла. … Как утомительно.

Бормоча, как это утомительно, Фарнезе отдала команду войскам.

Так как наша победа была слишком очевидной, Фарнезе придумала игру. Это была игра, чтобы посмотреть, как она могла убить 50 вражеских солдат, не пропустив ни одного. Испытывая разные виды тактик, Фарнезе издевалась над врагами. Игра имела успех. Солдаты были полностью уничтожены.

Мы отрубили головы так называемым солдатам и насадили их на колья. Каждый раз, когда мы сжигали деревню, мы бросали там примерно 15 голов. Увидев эти головы, старшие люди слушали наши слова немного лучше. Нам не приходилось словесно запугивать их, они сами упаковывали по своему усмотрению свой скарб, чтобы найти прибежище. Весьма просто. Мне следовало сделать это раньше.

Несомненно, мы были армией Владыки Демонов.

Если бы кто-то выразился чуть точнее, то мы были армией ублюдков.

Наши солдаты воспринимали тот факт, что они ублюдки, как нечто, чем стоит гордиться. Чем больше мы мародерствовали, тем более сильную армию формировали солдаты. Маршировать не было тягостно.

Наши солдаты сами давали названия нашей армии, такие как «Вестники зимы», «Чума человечества», «Горные мародеры». Поскольку зиму проклинали, чуму обругивали, а мародерством заниматься было низко, можно было себе представить, какой подлой была моя армия. Насколько заслуживающей улюлюканья. И какой анархичной. Хорошая была пора.

Моя жизнь была более чем ничтожна, так что я бы пел о своей покинутости. Беженцы пели, потому что они не знали, куда идти, а я пел потому, что я не знал, откуда я пришел. Песнь человека, которому некуда пойти, и песнь человека, которому некуда возвращаться, совершенно разные.

– Что же это будет: то или это–? Стены позади храма городского божества упали: будет ли это–? Когда они умрут и умрут снова сотню раз–. Или мы умрем и умрем вместе при этом– будет ли то–?

Прим.пер.: Это объединение двух стихотворений «Хаёга» (□□□) и «Дансимга» (□□□). «Хаёга» было написано с целью провозглашения конца эры. https://en.wikipedia.org/wiki/Jeong_Mong-ju

– Черт возьми, что это за песня? Оригинально.

Фарнезе сморщила лоб. Лазурит, ехавшая на лошади позади меня, тоже странно посмотрела на меня. Я придумал ложь.

– Это слова из напева, который я слышал во сне прошлой ночью. Его ритм так хорошо обвил мой язык, что песнь льется сама собой. Разве это не мотив, которым нас благословила Богиня?

– Гм.

– Попробуйте петь в одиночку. Это песнь, которая незаметно облегчает жизнь. Песни поются, чтобы насладиться вкусом того, что трудно, но с беззаботностью. Чем же будет всё в мире: этим или тем?

Эта песнь мгновенно разошлась среди солдат. «Говорят, что это песнь, которую написал Наш Господин Владыка Демонов лично, услышав ее от Богини», надбавка к этому необоснованному слуху. Как только я добавил к этой песне ритм в стиле трот и продекламировал ее, наши солдаты отбросили военные песни и хихикали на рысях

Прим. пер.: тут игра слов, поскольку англ. слово «trot» – это и жанр корейской музыки, и «рысь, быстрый ход», что и обыграл здесь анлейтер.

Бадум тат бадум что же это будет: то или это?

Бадум татат тат сжигайте храмы и режьте людей – будет ли это?

Когда они умрут и умрут снова сотни раз

Или если мы умрем и умрем вместе при этом – будет ли то?

Прим.пер.: Это старый корейский стиль музыки, когда звук барабана озвучивается голосом вместо настоящей игры на барабане.

Наши офицеры напевали, убивали, мародерствовали и поджигали. С «кунг чак», взбудораженный воздух вихрился, когда они взмахивали своими клинками, и с еще одним «кунг чак» они запевали, разжигая пламя. Каждый раз, когда звучал напев, разбрызгивалась кровь.

По мере нашего продвижения на север эта четырехударная барабанная мелодия стала веселой. Больше всего трот вскружил голову ведьмам, издававшим причудливые вибрации. Верхом на своих метлах, ведьмы низко летали и пели хором. Шагая по земле под ведьмами, вместе с ними пели солдаты. Поскольку хор и повторения колебались туда и обратно, наш марш продвигался быстро.

Песнь беженцев распространялась на юг. Песнь захватчиков прокладывала себе путь на север.

Гимн беженцев был всхлипыванием людей, а гимн мародеров был их весельем, так что я не ограничивал их. Я просто считал их всех людьми. Окутанные дымом, который подымался от огня, мы распространяли напев.

В то время как все наши войска шли в ритм, одна только Лазурит оставалась холодной. Лазурит твердо отказалась петь.

– Это скверная привычка.

Положа руку на сердце, это было очень проницательно.

http://tl.rulate.ru/book/378/47096